

СЖ.ЛА МЫС.ЛИ

«КЛАССОВАЯ НЕНАВИСТЬ»

ПОЧЕМУ МАРКС БЫЛ НЕ ПРАВ

ЕВГЕНИЙ ДЮРИНГ

Сила мысли

Евгений Дюринг

**«Классовая ненависть».
Почему Маркс был не прав**

«Алисторус»

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2)

Дюринг Е.

«Классовая ненависть». Почему Маркс был не прав / Е. Дюринг —
«Алисторус», — (Сила мысли)

ISBN 978-5-00222-001-4

Евгений Дюринг - немецкий профессор, младший современник Маркса и Энгельса, занимался вопросами политэкономии и права. Идеи Дюринга получили широкое распространение, что побудило Энгельса подвергнуть их критическому анализу («Анти-Дюринг»). В советское время работы Евгения Дюринга по понятным причинам не издавались: теперь читателю впервые предоставляется возможность самому ознакомиться с его главным произведением. Помимо критики марксистской теории «классовой борьбы», которую Дюринг называет «классовой ненавистью», он создает собственную картину общества и государства. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 323(470+571)

ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-00222-001-4

© Дюринг Е.

© Алисторус

Содержание

От издательства	6
Предисловие автора	14
I. Классовое убийство	15
II. Гнилость массы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Евгений Дюринг
«Классовая ненависть».
Почему Маркс был не прав

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

© Перевод с немецкого Д. Ройтмана,
© ООО «Издательство Родина», 2023

От издательства (предисловие 1908 г.)

Евгению Дюрингу исполнилось 75 лет. Наше издательство, являющееся как бы юбилейным, открывает издание полного собрания его сочинений его последней книгой. Пишущий эти строки хотел бы передать русской интеллигенции все свое глубокое уважение и любовь к этому могучему мыслителю, но, к сожалению, он не авторитет. Рано или поздно Дюринг получит, конечно, всеобщее признание, какого вполне заслуживает, но прежде ему надлежит еще вынести немало клеветы а-ля Энгельс.

Дюринг – жестокий антигебраист (слово «антисемит» он считает неточным). Он совершенно не верит в возможность всему еврейскому народу исправиться и считает необходимым как-нибудь заставить этот народ прекратить свое вредное существование. До такого безотрадного взгляда на еврейский вопрос мы еще не дошли, но мы считаем безусловно необходимым ознакомиться с дюринговой характеристикой еврейского народа всем тем, кто стремится разрешить еврейский вопрос, анализируя вполне искренне свои чувства. Наше издательство не сочло себя вправе издавать Дюринга с пропусками всех мест, касающихся евреев. Вероятно, такая операция обеспечила бы нам больший успех среди русского свободомыслящего общества. Но мы не гонимся за кратким успехом. Михайловский в 70-х годах горячо пропагандировал Дюринга, но обошел его антигебраизм. Это была роковая ошибка. Мы постараемся поставить Дюринга перед русской публикой со всеми его взглядами, как бы некоторые из них ни возмущали либерализма нашей интеллигенции. Дюринг – такой ум и такой характер, что в конечном счете нам бояться нечего, как бы ни были трудны первые шаги нашей пропаганды. Преодолев такие затруднения в деле изучения Дюринга, какие представляет, например, его антигебраизм, русская интеллигенция свободно и охотно отдастся изучению тех сторон дюрингова миропонимания, которые уже и теперь должны ее захватывать своей широтой и гордым настроением.

Итак, Дюринг – жестокий антигебраист. Он убежден, что евреев никто не любит. Вероятно, в этом убеждены вообще все. Просматривая литературу о Дюринге в журналах 70-х и 80-х годов, мы случайно натолкнулись на рецензию «Отечественных Записок» (1880, VI) на книгу Д.А. Хвольсона «О некоторых средневековых обвинениях против евреев». В этой рецензии факт общей нелюбви народов к евреям констатирован без всяких обиняков. «О. З.» были радикальнейшим органом и стояли, конечно, за равноправие евреев, но они не побоялись признать то, что есть сама действительность. И к чему, в самом деле, быть неискренним? Равноправие равноправием, а нелюбовь нелюбовью. Позволим себе сделать из упомянутой рецензии довольно большое извлечение.

В тех немногих случаях, утверждают «О. З.», когда Д. А. Хвольсон обращается к разъяснению причин обвинений против евреев, «его рассуждения принимают такой характер, что теряют в глазах русского читателя всякое значение. Вот, например, как объясняет он общую нелюбовь народов к евреям – нелюбовь, факт существования которой и он должен, разумеется, признать. «Евреи, – говорит г. Хвольсон, – издавна были более или менее нелюбимы народами, с которыми приходили в соприкосновение. Быть нелюбимым – неудобно, часто крайне неприятно, но отнюдь не стыдно. Иногда общая нелюбовь доставляет даже почет.

Бисмарк, например, с гордостью говорил, что он наиболее нелюбимый человек во всей Европе. Только крайнее лицемерие или личное ничтожество охраняет человека от ненависти. Каждому же умному человеку с самостоятельным характером приходится более или менее терпеть от ненавистников и бороться против недоброжелательства. Иначе и быть не может. Только утописты и мечтатели толкуют об общем братстве» (109).

Продолжая свои разъяснения причин нелюбви к евреям, он далее впадает уже в чисто фактическую ошибку, благодаря все тем же «патриотическим очкам». Именно он говорит, что недоброжелательство к евреям поддерживалось еще одним «особым обстоятельством», следующим: «человека не любят не тогда только, когда он хуже других, но весьма часто за то, что он лучше других. Последнее происходит не от зависти, так как люди редко признают преимущество за другими. Но его не любят за то, что он не таков, как другие» (109).

Далее объясняется, что и евреев не любят только за то, что они «не таковы, как другие». Г. Хвольсон, правда, имел настолько такта, что не решился поставить евреев выше всех народов и объяснить нелюбовь последних завистью к их высоким достоинствам, но, как сейчас увидим, за него этот шаг сделали менее осторожные его единоплеменники.

Признаемся, мы впервые узнаем от г. Хвольсона, что резко выраженная индивидуальность – личная или национальная – заключает в самой себе причины враждебного к себе отношения. Смеем думать, дело заключается не в индивидуальности как таковой, а в её внутреннем содержании. Не в том дело, что евреи «не таковы», а в том, каковы они. Но раз вопрос дошел до этой точки, с еврейскими публицистами теряется всякая возможность серьезного разговора. Пример у нас перед глазами. В только что вышедшем 22-м номере еврейской газеты «Рассвет» помещена рецензия на разбираемую нами книгу г. Хвольсона. Рассматривая причины нелюбви к евреям, рецензент категорически заявляет, что одна из причин заключается «отчасти в зависти» народов к евреям. В числе других причин рецензент указывает на какой-то «общий исторический закон», затем на «особенную роль» евреев и, наконец, на «корыстолюбие, желающее грабить, в соединении с лицемерием».

Рассуждать тут, очевидно, нельзя. Рассудок бессилен перед страстью, доводы бесполезны там, где их, так сказать, органически не могут воспринять. Все черны, одни евреи белы; все неправы, одни евреи правы; их «грабят», перед ними «лицемерят», их ненавидят, потому что им завидуют, а завидуют им потому, что они лучше, сильнее других, они между народами то же, что Бисмарк между обыкновенными людьми. Перед этой неспособностью к самокритике стоит, конечно, остановиться, как перед любопытным фактом национальной патологии, но бороться с ней мы не видим средств.

Так писали «черные» «О. З.» по адресу «белых» евреев. Неспособность к самокритике как факт национальной патологии Дюринг распространил на всю еврейскую нацию и точно также не нашел средств бороться с этой неспособностью. Прав ли он? Допустим, что не прав. Но тогда, чтобы поспособствовать еврейской самокритике, нелишне будет русской интеллигенции поближе познакомиться с критикой еврейского характера в сочинениях Дюринга. Дюринг – громадный ум, благородный и серьезный характер, свободный мыслитель и безусловно искреннейший человек. С чьей же критикой, как не такого человека, следует считаться?

Давным-давно, в 1881 году, г. Русанов писал в мартовской книжке «Дела», в статье «Экономика и политика»: «В своей новой брошюре о “Еврейском вопросе”, наполненной не доказательствами, а бранью против “жидов” Берне и Гейне, Спинозы и Лессинга, Маркса и Лассаля, Рикардо и Д’Израэли, содержателей ссудных касс и профессоров и т. д., Дюринг снова высоко возносит индивидуальность и вместе с тем дает в руки читателю нить к решению, каким образом талантливый писатель становится на точку зрения заклятых юдофобов». Нить, которую г. Русанов держал в руках в 1881 г., заключалась в том, что Дюринг, по его мнению, в «индивидуальности» видит все. Ну, а «где царит буржуазный принцип признания за индивидуумом независимости от общества, где единственным виновником является “злая воля” индивидуальности, там, конечно, будут считаться лекарством против всяческих бед “меры”, направленные против людей, а не против условий». Мы не станем подчеркивать того обстоятельства, что на самом деле Дюринг в «индивидуальности» видит далеко не все, что «злая воля» для него далеко не единственный виновник. Приписывать противнику взгляды, прямо противополож-

ные своим, – плохой критический прием, хотя и очень соблазнительный для молодых критиков. Но с 1881 г. много воды утекло, взгляды г. Русанова с тех пор претерпели значительную метаморфозу, и одно время он даже был, по его собственным словам, отчаянным политиком в духе Дюринга.

Хотя в теперешнем мирозерцании г. Русанова заключается добрая порция марксизма, но все же он не отрицает теперь «политики» Дюринга, не нападает на «индивидуальность» и даже признает существование национальных характеров. Было бы, поэтому, крайне интересно именно теперь послушать от него, каким образом талантливый писатель Дюринг, которого Михайловский в 70-х годах считал одним из ближе всех стоящих в Европе к правде, стал «на точку зрения заклятых юдофобов».

Г. Русанов утверждал, что «Еврейский вопрос» Дюринга наполнен не доказательствами, а бранью. Многие и многие критики, мы уверены, будут повторять то же самое. Дело в том, что Дюринг, подобно Вольтеру, не нашел нужным скрывать свое отвращение к евреям и написал брошюру о них с беспощадной язвительностью, которая у либерально настроенных людей обыкновенно поднимает такие недобрые по адресу Дюринга чувства, что никаких его доказательств они уже не видят. (О юдофобстве же Вольтера публика обыкновенно ничего не знает.) Мы находим некоторое удовлетворение в том обстоятельстве, что такого крупного писателя, как Н. К. Михайловского, антигебраизм Дюринга не удержал от пропаганды его философских и политических идей. Правда, в 70-х годах, когда появились статьи Михайловского о Дюринге, последний еще не сконцентрировал своих взглядов на евреев в отдельной брошюре, тем не менее его антигебраизм был уже достаточно ярко выражен, например, в «Курсе философии». Какого мнения был Михайловский о «врейском вопросе» Дюринга, нам неизвестно. Но и после выхода в свет этой брошюры и после приведенного уже нами отзыва о ней г. Русанова Михайловский советовал именно этому самому г. Русанову налечь на философию, и в частности изучить Ланге и Дюринга. («Бывшее», 1907, VII. «Политика» Н. К. Михайловского).

В конце 1883 г., значит, два с лишним года спустя, Михайловский поместил в «О. З.» статью г. Красносельского «Голос жизни в области мысли», которую г. Красносельский написал, кажется, по предложению Михайловского и которую в настоящее время он считает юношеским панегириком Дюрингу. В этой статье, занимающей 64 страницы, относительно юдофобства брошено только одно замечание, и то в скобках, что «Дюринг – заклятый враг еврейства и всюду подозревает преследования с их стороны». Почему же Михайловского не оттолкнуло в то время от Дюринга юдофобство последнего? Потому, вероятно, что на юдофобстве, по его мнению, философия Дюринга не клином сошлась. Михайловский писал в статье «Утопия Ренана и теория автономии личности Дюринга»: «Может быть, вся громада природы, природа в целом, рисуется Дюрингу в слишком благодетельном для человека освещении, но относительно добродетелей отдельного человека он чужд всяких иллюзий. Исходным пунктом своих рассуждений он берет человека, как он есть, с его низкими и высокими, грубыми и мягкими побуждениями. Он стремится построить идеально прекрасное здание прямо из этих грубых кирпичей; будучи уверен, что игра страстей, заложенных в человека природой, должна привести к благополучному концу, и что жизнь сама по себе имеет громадную цену, он естественно ничего не прячет ни от других, ни от себя».

Эта позиция Дюринга Михайловскому страшно нравилась. Но Дюринг от критики характера отдельной личности последовательно перешел к критике национальных характеров. И здесь он также ничего не прячет ни от других, ни от себя; он берет нации, как они есть, с их низкими и высокими, грубыми и мягкими побуждениями; он стремится построить идеально прекрасное здание человечества прямо из этих грубых кирпичей, он уверен, что игра страстей и здесь должна привести к благополучному концу. Было бы крайне интересно послушать критику Михайловского относительно этой части воззрений Дюринга, но он, наоборот, вскоре совсем перестал писать о нем, и только помещение статьи «Утопия Ренана и теория

автономии личности Дюринга» в полном собрании сочинений свидетельствовало о его сохранившейся симпатии к Дюрингу.

Статью «Экономика и политика» г. Русанов посвятил «междоусобной» борьбе двух фракций. «В последнее время, писал он, эта борьба обострилась во всей Западной Европе. Вместе с тем ей удалось и в теории выразиться в наиболее ясной форме. Минуя ряд второстепенных и третьестепенных участников борьбы с той и другой стороны, мы можем остановиться на двух главных представителях теоретической розни между упомянутыми фракциями. На одной стороне мы видим уже известного нам талантливому энциклопедисту Евгению Дюрингу, на другой – бесспорно превосходящего его по уму и эрудиции экономиста Карла Маркса с его неизменным alter ego, Фридрихом Энгельсом». Г. Русанов в то время стоял всецело на стороне последних. Против «немножко маньяка» Маркса за Дюринга выступил в майской книжке «Дела» за тот же 1881 год г. И. Кольцов (Л. Тихомиров), которого в этой полемике, по словам г. Русанова, снабжал и мыслями, и документами по некоторым вопросам социологии сам Михайловский.

Для нас этот факт очень интересен. Если г. Тихомиров и Михайловский приняли противопоставление Дюринга и Маркса и стали на сторону первого, несмотря на его заклятое юдофобство, то тем более это должны сделать мы, которые значительно более разделяем философские и политико-экономические взгляды Дюринга и несравненно более не одобряем мировоззрение Маркса. Нам прямо смешно утверждение, будто Маркс – бесспорно превосходящий Дюринга ум. Но об этом распространяться мы здесь не будем. Мы указываем только, что, и не разделяя антиеврейской позиции Дюринга, мы должны были бы воспользоваться сочинениями Дюринга в нашей собственной борьбе. Между тем и антигебраизм Дюринга, как мы уже говорили, заслуживает самого внимательного изучения.

«Дюринг известен своим антисемитизмом и в настоящее время является единственной крупной литературной величиной в этом лагере». «Тем интереснее послушать его беседу». Так думает г. хроникер внутренней жизни «Русского Богатства» (1894, IV). Михайловский как-то писал, кажется, по поводу помещения в «О. З.» одной статьи Л. Н. Толстого, что редакция не может отвечать за все мнения, конечно, побочные, высказываемые в помещаемых в журнале статьях. Мы лично думаем, что сам он не подписался бы под теми двумя страницами, которые упомянутый г. хроникер посвятил мимоходом Дюрингу. Приводим полностью эти две страницы.

«...Есть одна сторона немецкого антисемитизма, на которую мы должны обратить внимание, именно что в Германии антисемитизм всегда сопровождается славянофобией. Антисемит есть всегда славянофоб вообще, русофоб в частности. Совершенно те же призраки, которыми стараются испугать немцев, одинаково одними и теми же проповедниками приписываются и евреям, и славянам. Нашим антисемитам, взявшим свое учение из Германии, не мешало бы это помнить».

«Чтобы не быть голословным, мы остановимся немного на сочинениях известного немецкого писателя Дюринга. Дюринг известен своим антисемитизмом и в настоящее время является единственной крупной литературной величиной в этом лагере. Конечно, от него нельзя ждать ни явной недобросовестности, ни явной глупости, ни непристойного тона. Тем интереснее послушать его беседу. Когда он пишет о Людвиге Берне и Генрихе Гейне, то, как и следовало ожидать, эти немецкие писатели еврейского происхождения отделяются Дюрингом под орех. Берне чуть не бездарность; Гейне с небольшим талантом, но с дурной нравственностью; Лессинг по пути обзывается “еврейско-славянским улюлюком».”. Конечно, и евреи, и славяне могут только гордиться, что подарили миру Лессинга, но нетерпимость слепа и не останавливается даже перед явным парадоксом.

Перейдем, однако, к славянам. Прежде надо, однако, оговориться, что хотя Дюринг и говорит вообще о славянах, но занимается исключительно русской литературой, не цитируя

ни одного польского или чешского писателя. Русских писателей он знает довольно много для иностранца, не знающего русского языка. Он знает, частью дает характеристики следующих русских писателей: Пушкина, Гоголя, Герцена, Тургенева, Толстого, Чернышевского, причем особое внимание оказывает Гоголю и Чернышевскому. Пушкина Дюринг считает подражателем Байрона, поверхностным, хотя и не без таланта. В Герцене признает некоторую художественность, но упоминает о нем мимоходом для сравнения его романа “Кто виноват” с романом Чернышевского “Что делать?”. Чернышевскому достается уже очень сильно и как экономисту, и как романисту, и как мыслителю, причем, к удивлению, оказывается, что известность и популярность Чернышевскому создали евреи за его дружбу к ним. Быть может, читатели не менее удивятся, узнав, что слава Тургенева и Толстого тоже раздута евреями, потому что эти писатели тоже благосклонны к евреям. Между тем, в сущности, и Тургенев, и Толстой “совсем не такие значительные писатели”. Больше других заслужил у Дюринга Гоголь. Оригинальность творчества и гениальная сила изображения покорили даже славянофобию Дюринга. Он признает его величайшим прозаиком XIX века и самым выдающимся писателем после смерти Гете, Байрона и Шелли. Это, конечно, очень много, и всякий беспристрастный человек согласится, что это недалеко от истины. Дюринг входит даже в разбор отдельных произведений Гоголя: “Ревизора”, “Тараса Бульбы” и “Мертвых душ”. Но как он воспользовался Гоголем в видах его специальной славянофобии? Прием, употребленный при этом Дюрингом, чрезвычайно интересен. В “Тарасе Бульбе” его особенно прельщает несколько юмористических сценок, в которых выведены польские евреи того времени. В “Ревизоре” он отмечает испорченность русской администрации и замечает, что нельзя не признать знаменательным само построение лучшей русской комедии на этом мотиве русской испорченности. В “Мертвых душах” Дюринга особенно прельщает Кашкаров, и в этой главе он видит мастерское изображение самой сущности русского государства, но самого себя превосходит Дюринг, когда пытается объяснить фигуру Чичикова. Дюринг говорит, что герой романа представляет всю нацию, вернее, даже всю расу (славянскую). “Не может быть случайностью, что величайший беллетрист России и всего славянства выбрал такого героя для главного своего произведения”.

В заключение спектакля оказывается, что славяне и евреи являются представителями одной и той же притязательной идеи покорить себе вселенную и поработить другие народы. Тот же Гоголь дает Дюрингу некоторый материал для обоснования этого обвинения.

Не мешало бы нашим антисемитам немного поразмыслить над этими параллелями. Не мешало бы немного более критически относиться к нападкам антисемитов на евреев, памятуя, что те же люди, теми же словами нападают на славян, и что крестовый поход, проповедуемый против евреев, проповедуется вместе с тем и против славян, в особенности против русских. Дюринг – очень крупная величина и по таланту, и по уму, его книга – выдающееся явление современной германской литературы, но и Дюринг не избежал этого обобщения в одной ненависти евреев и славян. Другие это делают грубее и нелепее, но делают то же самое».

Так отделяется Дюринг. Сначала сделаем несколько мелких замечаний. Мы слышали, что в случае с Лессингом нетерпимость Дюринга так слепа, что не останавливается даже перед явным парадоксом, ибо де славяне и евреи могут только гордиться таким «еврейско-славянским ублюдком».

Пусть гордятся, но Дюринг-то сам ведь не признает Лессинга величиной. В чем же тут явный парадокс? Мимоходом заметим, что Дюринг посвятил вопросу о преувеличенной оценке Лессинга целую книжку. Берне и Гейне, как ожидал г. хроникер, отделаны под орех. Ну, что же, если под орех, так под орех. Скажем только, что почтенный рецензент «Мира Божия» был любезнее и признал, что даже в дюринговой критике Берне и Гейне заключается зерно истины. Со своей стороны мы будем надеяться, что со временем здесь признают не только зерно, но целую житницу истины. Относительно Чернышевского, Тургенева и Толстого русские читатели, конечно, не согласятся, что эти писатели своей славой обязаны евреям. И без

еврейской пропаганды они пользовались бы у нас на Руси громадной известностью. Но, вообще говоря, что для дюрингова мировоззрения может значить, например, Л. Толстой! Он крупный художник. Но художественный талант – ведь только орудие. Взгляды же, проводимые Л. Толстым в его сочинениях, носят характер того традиционного мировоззрения, которое Дюринг, да и один ли только Дюринг, считает еврейским творением. Наше издательство имеет в виду издать статьи Дюринга о Л. Толстом, помещенные в его журнале. Было бы интересно сопоставить их со статьями о Л. Толстом Михайловского. Близость обоих критиков вне сомнения.

Но обратимся к главной мысли хроникерской заметки, к сопоставлению дюринговой юдофобии со славянофобией: «В заключение спектакля оказывается, что славяне и евреи являются представителями одной и той же притязательной идеи покорить себе вселенную и поработить другие народы». Так ли? В русском переводе «Еврейского вопроса» Дюринга, на 5-й и 6-й страницах, можно прочесть следующее: «Сплошь и рядом расы и национальности, как, например, германцы и славяне, вступают в соперничество друг с другом; но из этого еще не следует, чтобы можно было утверждать, что они вредны друг для друга. Для германцев славяне отнюдь не являются вредной разновидностью человеческого рода, и когда при смешениях народностей и при соприкосновении народов возникают вопросы о расе и о национальности, о внутренних и внешних границах сферы их действия, то при этом нельзя делать такого же различия, какое мы делаем в царстве между вредными и безвредными животными. Но еврейское племя образует при этом очевидное исключение, оно оказалось, и материально и духовно, разновидностью вредной для всего человеческого рода, поэтому, по отношению к этому племени, вопрос не в том, что это – раса чуждая, а в том, что это – раса враждебно и бесповоротно испорченная».

Такова юдофобия Дюринга и такова его славянофобия. Как будто евреи и славяне, по Дюрингу, являются представителями не совсем-то одной и той же притязательной идеи. «В “Мертвых душах” Дюринга особенно прельщает Кашкаров и в этой главе он видит мастерское изображение самой сущности русского государства», – пишет хроникер. К сожалению г. хроникер не сообщил о высказанном тут же убеждении Дюринга, что политика русского государства в конце концов должна будет принять иные формы. Между тем при этом сообщении славянофобии получилось бы меньше. Еще меньше славянофобии получилось бы, если бы г. хроникер сообщил о другом убеждении Дюринга, именно что национальный фанатизм русских не всегда будет вводим в заблуждение и что он еще докажет свою способность к человеческой культуре. Что же касается специально славянской испорченности, то в «Социальном спасении» будет вообще достаточно говорить об испорченном состоянии всего нынешнего человечества.

Существуют квасные патриоты; они не любят чужого, потому что оно именно чужое. В Германии они будут, конечно, одновременно и антисемитами, и русофобами. Одними и теми же призраками они могут, конечно, пугать немцев и со стороны евреев, и со стороны русских. Но приводить в пример Дюринга, «чтобы не быть голословным» в таком сближении антисемитизма и русофобства, значит, по меньшей мере, странно понимать его. Дюринг, как известно, считает врагами своего дела профессоров, евреев и социал-демократов. К этим трем категориям он нашел себя вынужденным прибавить в последнее время еще и антисемитов, ибо антисемитизм, за немногими исключениями, служит только предлогом, чтобы прикрыть чистую реакцию, как религиознистическую, так и политическую.

Дюринг – националист, но такого рода, что заканчивает свою книгу о «Социальном спасении» словами: «В античные времена варварским называлось все то, что не принадлежало к двум лучше одаренным нациям. Теперь уже нет такой противоположности, и нельзя вновь создать никакого подобного национализма, даже только чего-либо аналогичного ему. Но зато существует варварство в другом смысле, а именно, в смысле отсутствия тех качеств, которые способны вступить за подлинное, всюду достаточное право». И такого варварства Дюринг находит у своих немцев слишком много. Пусть только прочитают, как он относится к коло-

ниальному разбою немцев в Китае и к притеснению поляков в прусской Польше. Злободневную австрийскую аннексию Боснии и Герцеговины он назвал голым насилием. «Национального героя» немцев, Бисмарка, гордости которого, что он наиболее нелюбимый человек во всей Европе, так сочувствует Д. А. Хвольсон, Дюринг характеризует арифметически: «тридцать процентов глупца и семьдесят процентов негодяя». (В скобках заметим, что и Н. К. Михайловский приблизительно так же характеризует Бисмарка.)

Шовинизм – скверная вещь. Но как глупое самомнение иных лиц не исключает, чтобы отдельные люди были лучше других, так и глупости шовинизма не исключают, чтобы какая-нибудь национальность была действительно выше остальных. Дюринг, по нашему мнению, – гордость современного человечества и принадлежит, по его мнению, к лучшей национальности.

Пишущему эти строки хотелось бы, чтобы лучшей национальностью в мире были русские, но, к сожалению, российская безалаберность и беспечность есть наше проклятие. Флегматичность и педантичность немцев не могут идти ни в какое сравнение с этой российской чертой. Приятно мечтать с Герценом, что «может, мы, маложившие в былом, явимся представителями действительного единства науки и жизни, слова и дела. В истории поздно приходящим – не кости, а сочные плоды. В самом деле, в нашем характере есть нечто, соединяющее лучшую сторону французов с лучшей стороной германцев. Мы несравненно способнее к наукообразному мышлению, нежели французы, и нам решительно невозможна мещански-филистерская жизнь немцев; в нас есть что-то, чего именно нет у немцев, и на челе нашем проступает след величавой мысли, как-то не сосредоточивающейся на челе француза». (Соч. IV, т. 122–3.)

Приятно так мечтать, однако кто же из русских может явиться более могучим и глубоким представителем действительного единства науки и жизни, слова и дела, чем немец Дюринг? Михайловскому судьба дала возможность развернуть свои дарования; он гордость и украшение критически мыслящей России, объединяющей науку и жизнь. Но страшная бестолковость русской жизни сделала сочинения нашего критика трудно изучаемыми без предметного указателя, которого, к сожалению, еще до сих пор нет. Какой контраст Михайловскому представляет в этом отношении Дюринг с его стройными критическими трудами! Вообще, духовные ученики Михайловского, мы не можем все же не отдать преимущества по могучести борьбы за единство науки и жизни германскому мыслителю.

«С национализмом иначе как назад, нам двинуться некуда. И это, я думаю, вполне понятно. Национализм мог быть прогрессивной силой в органическую эпоху, когда национальное государство еще складывалось; национализм может быть даже революционной силой, как, например, у национальностей угнетенных; но национализм неизбежно является реакционной силой, когда государство другие национальности угнетает. А такова именно государственность». Так полагает г. Пешехонов («Р. Б.» 1908, XI). Упомянутого несчастья нашего мы отрицать, конечно, не станем. Но не будет ли все же странностью из-за этого пренебрежительно относиться нам к национализму? Обыкновенный факт, что здоровый человек не беспокоится о своем здоровье. Но на самом деле с гигиеной обязательно должны считаться не только больные, но и здоровые. Каждый принадлежит к какой-нибудь нации, и его чувство собственного достоинства должно бы дополняться чувством национального достоинства. Вообще из того, что интересы могут быть эгоистичными, не следует никак, что нужно вооружаться против самого принципа интереса. Частная собственность сплошь и рядом ведет к эксплуатации, но отсюда еще не следует, что нужно совершенно уничтожить самый институт частной собственности. Национализм часто является угнетающим, но он не обязательно должен быть таков. Чтобы признавать эти простые положения надо верить в человечество. Могучая философия Дюринга блестяще обосновала эти положения, так противоречащие ходячему социализму, и мы горячо рекомендуем читателям познакомиться с ней. Какой-то верующий говорил, что он

охотнее всего читает книги атеистов, ибо такое чтение его еще более укрепляет в собственных убеждениях. Будем надеяться, что и противники Дюринга последуют примеру этого остроумного богослова. Лишь бы только читали они внимательно!

Но вернемся к национализму. «На своем, конечно, не следует ставить ударения и прославлять его только потому, что оно свое, а чужое отодвигать в сторону или даже преследовать только потому, что оно – чужое. Проявление различных национальных характеров должно быть так организовано, чтобы от каждой нации исходило именно её лучшее. Это лучшее будет тогда связующим звеном, если и не образцом, для человеческого рода. В различных национальных типах таким путем действительность выразит разнообразные комбинации хороших черт. Только дурные национальные черты должны быть уничтожены».

Из всех национальностей какая-нибудь да должна иметь несчастье быть по нравственным качествам хуже других. По общему убеждению, хотя и скрываемому слишком часто, такой национальностью являются евреи.

В проспекте-программе нашего книгоиздательства мы не высказались ни за какие меры по еврейскому вопросу. Дюринг же ставит, правда, условно страшную альтернативу: «Еврейское варварство есть наихудшее из всех варварств. И потому, если бы не оставалось иного выхода, кроме антиварварского, то пришлось бы, по необходимости, прибегнуть к отрицательному антиварварству, чтобы избавиться от положительного варварства. Русская почва была бы для такой цели наилучшей и наиболее приспособленной для первого эксперимента. Раз там с культурой, как с культурой евреев, дело на лад не идет, то решающей может стать дикость, и притом дикость антиеврейская; по крайней мере, она может испробовать свою силу против этого зла. Уж лучше справедливая свирепость, чем несправедливая по отношению к евреям смиренность, всегда полная вреда! Русским поэтому рекомендуется, в случае нужды, когда иного выхода не останется, без стеснений действовать по своей манере».

Мы согласны с Дюрингом, что лучше справедливая свирепость, чем несправедливая смиренность. Но в общем мы еще надеемся найти иной выход, кроме антиварварского. Как ни печалит нас российская безалаберность и беспечность, мы все же не отчаялись еще в русской культуре. Будем надеяться, что трезвая национальная самокритика, к которой как будто способен русский народ, поможет нам познать самих себя и отделаться от всего привитого еврейского. В этом отношении руководящие учения Дюринга явятся для нас могучим пособием. Он немец; но его широкий дух и не знающая никаких компромиссов нравственная серьезность близки нам. Он горячий рыцарь справедливости и страшный ненавистник зла. Культивировать ненависть к злу – его принцип. И потому, найдут ли в конце концов его «Еврейский вопрос» правым или нет, мы, зная беспощадную правдивость Дюринга, не можем не видеть и в этом сочинении и в главе о еврейском режиме в предлагаемой книге проявления его исключительно высокой личности, полной презрения и ненависти ко всему низкому.

В общем, еврейский вопрос для нас пока еще открытый вопрос. Мы просто желали бы поставить на обсуждение мнения Дюринга по этому вопросу и со вниманием прислушаться к искренней и серьезной критике.

К. И. Петров

Предисловие автора

Слово «спасение», поставленное на заголовке этого сочинения, наверное, не покажется слишком сильным, если из содержания книги убедятся, какое варварство во всех публичных и частных отношениях мы имеем здесь в виду. Угрожает нечто, гораздо более опасное, чем средневековье, а именно – дикая игра хаотических революционных выступлений и еще более отвратительных и развращенных оргий реакции. Дальше простой противоположности шаблонной революции и еще более шаблонной реакции может вести единственно только углубление в сущность первично рациональных идей права, которых нужно искать далеко выше сферы донныне имевшей место истории.

В книге «Вооружение, капитал, труд» главной практической точкой зрения является распролетаризация, разумеется, вместе с неотделимым от неё освобождением общества от раздувшегося класса богачей. В предлагаемой читателю книге, трактующей о предмете, гораздо более обширном и общеполитическом, хозяйственные точки зрения вполне подчинены точкам зрения правовым. Оба сочинения могут быть рассматриваемы вместе, как единое, две стороны одного и того же предмета охватывающее произведение, которое имеет целью пробудить действительно правомерную волю и создать достойное её состояние народной жизни.

Е. Дюринг. Апрель 1907 г.

I. Классовое убийство

1. Широко распространенное выражение «классовая борьба» звучит, по-видимому, менее решительно, чем выражение, употребленное в заглавии; для многих же, привычных к нему, оно кажется прямо невинным. – нных социалистов. Конечно, там и сям в их собственных кругах мнимый принцип классовой борьбы уже с достаточной очевидностью отказывается служить; но с каждым новым социал-революционным возбуждением принцип этот вновь и вновь находит для себя почву. Кроме того, без него социальная травля, особенно у евреев, не пошла бы на лад. Гешефт с натравливанием одного класса на другой надеется процветать и дальше. Отсюда легко объяснить постоянное возвращение к столь затасканной, так называемой, классовой борьбе, т. е. к тому кличу, которым рабочих ведут в бой с предпринимателями, в скрытой же форме – также против и всего остального общества.

На самом деле так называемая классовая борьба всегда имеет склонность, сверх обычной своей непристойности, вырождаться в крайность, а именно во взаимное классовое убийство. Когда рабочие прибегают к насильственным действиям – частью против фабрик и предпринимателей, частью против своих же товарищей, чтобы принудить к участию в забастовках желающих работать, – тогда неудивительно, если сюда вмешиваются правительства, пуская в дело военную силу, и если затем в результате такой классовой борьбы появляются убитые и раненые. Как раз именно республиканская Франция за последнее время дала много примеров таких кровавых дел. И рабочие различных партий также довольно часто пускали в ход насильственные действия друг против друга; они тоже достаточно показали, что классовая борьба проявляется не только в регулярных и закономерных стачках: борьба эта ведет также и к разединению масс на враждебные лагеря, что вносит порчу непосредственно внутрь самих масс.

Я не считаю нужным долго говорить здесь о русской, так называемой, революции, которая с самого начала уже прикидывалась социальной, на самом деле будучи только еврейско-социальной. Там натравливание на классовое убийство совершенно ясно видно и выполняется в самых разнообразных, прямых и косвенных, формах, как с одной, так и с другой стороны. При этом не только прямо пускаются в ход бомбы и пули; нужно причислить сюда еще и косвенные убийства или, по крайней мере, смертельные повреждения, которые причиняются искусственным прекращением подвоза средств для удовлетворения жизненных потребностей. Экономические, так сказать, поранения и убийства имеют место не только между предпринимателями и рабочими; и третий элемент – публика – даже в минимальной степени не принимается в расчет и не щадится при таком беспутном расширении района забастовок.

Вообще, то, что можно назвать штрейкизмом, получило прямо безумное распространение вширь. Забастовка перенесена на чиновничество и вообще в область отношений, где приостанавливается выполнение фундаментальных функций.

Разделение труда, поскольку оно возникало на естественной почве и руководило людьми в общении друг с другом, является источником неизбежных социальных обязанностей. Когда эти обязанности нарушаются через посредство массовых сообществ, когда прекращается подвоз жизненных припасов или приостанавливаются необходимые производства, – тогда, несомненно, подобная форма классовой борьбы становится достаточно дикой и нездоровой, чтобы заслужить название классового убийства.

Безнравственные теории, в особенности же еврейские теории, не одни являются причинами того, что возбуждается классовая борьба, а вместе с ней и классовое убийство. На этот пагубный путь влекут и самые факты, разумеется, вместе с зародившимися на их почве дурными идеями. Штрейкизм, который казался вначале справедливым коррективом, своей дикой разнузданностью обусловил локауты со стороны предпринимателей и таким образом превратил все дело в войну, где не только нет и помину об идее права, но не найдешь даже

ни малейшего следа такой идеи. Стачечничество приняло характер социально-революционной похотливости, и так называемые всеобщие стачки поставили себе бессмысленную цель – разложить существующее общество на отдельные атомы и таким образом разрушить его. Это уже более, нежели классовое убийство; это – что-то вроде самоубийства, притом такого, в которое – смешно сказать – массы вовлекают, в конце концов, своих собственных членов!

2. Если расширить горизонт исследования, то классовая борьба окажется лишь специальным случаем так называемой борьбы за существование. Это последнее учение и моральное отравление им мира в ходу с 1860 года в качестве безнравственной квазиестественно-научной теории. Полустолетие и два поколения, зараженные этим учением, являются наиболее извращенными, в нравственном и правовом отношении, из тех, какие может указать история. Мы с нашей стороны уже с самого начала, т. е. со времени выступления на сцену этой язвы, борьбы за существование протестовали как против измышления квазиестественно-научной бессмыслицы, трактующей о происхождении и совершенствовании видов, так и против деморализации и всеобщего разрушения права, которое должно было получиться при распространении столь фантастически-фривольных и в то же время грубо-эгоистических учений. Выступая против идейного яда, мы не упускали случая всесторонне осветить указанную мерзость столетия; мы делали это в самых разнообразных сочинениях и затем в «Персоналисте», при всяких, нередко представлявшихся, удобных случаях. Мы почти утомились, возвращаясь, по необходимости, снова и снова к той же самой теме. Но нас опять принуждает к тому же самому новая наша задача, именно связь борьбы за существование с так называемой классовой борьбой, – заставляя нас затронуть новую сторону предмета.

Переносить на человечество, без дальнейших оговорок, как нечто самопонятное, то, что даже в области животных понято либо совершенно ложно, либо только местами, наполовину верно и, во всяком случае, вкривь и вкось, – значит удостоить человека такой квалификации, которая для лучшего понимания звучит как крайняя степень унижения. Чтобы восполнить меру морального яда, это унижение достоинства человека и развращение его выдается за премируемый путь к совершенствованию и к окончательному совершенству. В безнравственной борьбе человека всеми средствами против себе подобных победа должна обеспечить размножение наилучших по качествам индивидуумов! Между качествами лучшими считаются такие, которые имеют следствием переживание. Переживший имеет право – вот этот дьявольский девиз, которым освящается всякая несправедливость.

Эту гнусную мысль приложили к частной жизни и к политике, к отношениям личностей и народов – и достигли поистине назидательных результатов! Измышление это нужно было бы назвать с самого начала общим грабежом существования, если его хотели бы понимать прямо и называть правильно. Мы давно уже предложили взамен выражение: убийство за существование, а для соответствующих слоев, кроме того, еще и убийство за богатое существование; и уже одно такое много говорящее название указывает, в какой степени здесь имеется связь с классовым убийством.

Дарвинизм, пущенный в ход тотчас же со времени своего появления в 1859 г., в особенности стараниями евреев, был случайным обстоятельством, за него ухватились скрытые до той поры дурные вожеления и таким путем создали для себя искусственно нечто вроде оправдывающей их квазинауки. Если бы даже и не было английского естествопознавателя Дарвина, то все равно в Англии скопившееся огромное бремя дурных дел, вместе со столь же дурными идеями, скоро привело бы к отчетливому формулированию дурных принципов. Склонность к этому была у англичан налицо уже давно: прославление деспотии лоббизмом, а позже мальтузианство, оправдывавшие уничтожение народов, уже подготовили почву.

Но не следует делать ответственными лишь одних теоретиков или хотя бы предпочтительно их: их испорченность коренится в испорченности, глубже заложенной, – в испорченности народа и государства.

Большое английское Я в смысле эгоизма может претендовать на первое место сейчас же после эгоизма еврейской расы, а это ведь что-нибудь значит! Англия жила избиением народов и живет им до сих пор. Проглоченные буры и отношение к темноцветным африканским расам – только новейшие примеры, между тем как Индия остается более старым и наиболее крупным позорным пятном и постоянным напоминанием. Ведь собственный её поэт Байрон должен был бросить в лицо достойной Англии обвинение, что она наполовину избивает мир, а наполовину его надувает!

При подобных прекрасных качествах нечего удивляться тому, что над английской почвой поднимаются туманы теорий, оправдывающих эти качества. Дурная жизнь должна порождать и соответственно дурные идеи, а потому, во всяком случае, даже без появления той личности, с которой связан дарвинизм, прославление борьбы за существование все равно явилось бы на сцену под какой-либо формой.

Сама Англия давно уже борется не только за существование, но и за богатое существование, за материальное господство над миром. В этой борьбе Англия имеет лишь единственного конкурента – правда, иного сорта, но в главном подобного себе, – современное еврейство, с которым она нашла полезным, за последнее время, открыто делать общее дело. Таким образом выясняется, что не только дурные дела, но и дурные идеи с обеих сторон наперерыв поощряются и разносятся повсюду, как что-то, достойное прославления.

3. Как ни превратно понималась так называемая борьба за существование, однако в области естествознания она не дошла до таких извращений, до которых договорились теоретики – проповедники классовой борьбы; да и не могла прийти. Еврейские главные представители ограниченного и бессмысленнейшего, карикатурного социализма декретировали – именно по своей тупости, – что классовое государство должно исчезнуть. Эта, преимущественно марксовская, ложь должна означать, что нужно стереть все классовые различия, какие нашли для себя в государстве и в обществе отчетливую форму выражения и признание. Должна остаться одна бесформенная, однородная масса. Однако эта серая всепролетарская масса – только лицемерный предлог. Им прикрывается еврейство, которое желает вечно заниматься нивелирующей стрижкой и паразитировать, т. е. господствовать над массой в неклассовом, так называемом государстве будущего, овладевая всеми руководящими и влиятельными местами и функциями.

Но если даже отвернуться от этой еврейской перспективы и на минуту принять всерьез уничтожение классов, то и тогда, во всяком случае, неклассифицированное общество останется бессмысленным порождением самой тупой теории. Оно было бы чудовищностью, даже прямо карикатурой на всякое общество; ибо все общественные формы – хороши они или худы – основываются на разграничении функций и на разделении труда. Если даже просеять критически все несправедливые или вообще неприемлемые, ложные формы исторически сложившейся общественности, то все-таки останется довольно много неизбежных различий, которыми нельзя пренебречь и которые нельзя и не должно уничтожать. В царстве животных нельзя было бы изобрести подобной бессмыслицы: там то именно образование уклонений и видов и было тем, что должно было возникнуть путем борьбы за существование и принимать все более и более определенные формы. Если бы там кто-либо вздумал утверждать, что виды, принимающие все более и более резко выраженные, иногда даже неподвижные формы, должны исчезнуть и уступить место первобытному однообразному киселю жизни – то вся теория, и без того не безошибочная, нанесла бы сама себе удар, так сказать, в лицо: к первоначальной бессмыслице она прибавила бы еще худшую окончательную бессмыслицу. Следовательно, по-еврейски тупой социализм может в этом отношении похвастаться, что он дал созреть наиболее нелепому плоду теории.

Общество без классификации! – взвесьте только, что это должно значить с точки зрения строгого мышления. О совершенно неизбежном разделении труда я говорить не буду; понятно само собою, что если всякий не будет во все времена делать всякое дело, т. е. не будет делать

все для самого себя сам, без посторонней помощи, то уже по этому одному должны возникнуть различия. Но если бы даже до некоторой степени и осуществилось такое самоизоляция и самоудовлетворение, как у дикоживущих животных, то все-таки обстоятельства и особенности индивидуума, точно так же, как и в животном мире, повлекли бы за собой дифференцировку жизни, способностей и потребностей. В какой же мере больше должно это проявляться, если мы оставим точку зрения животного и взвесим, какие различия должны быть последствием развития у сверхживотного! Грубое и тонкое нельзя отождествить и соединить в одних и тех же функциях. Привычка создает особенные типы и характеры и позволяет им даже так вкорениться, что о переходе к другим формам жизни едва ли может быть иногда и речь.

Возле или, лучше сказать, выше хозяйственного разделения труда лежит еще другое, гораздо более важное, чисто личное разграничение; оно основывается на свойствах пола и расы, вообще на таких качествах, которые появляются при дифференцировке особенных жизненных условий. Если даже мы отбросим все несправедливые формы вроде всех первоначальных форм господства и рабства – чем совсем не занимается тупой по отношению ко всяким идеям права социализм, – то все-таки останется достаточно традиционных отношений, которые нельзя и не должно устранять. Различие полов и примыкающее к нему образование брака и семьи – как ни велик их вес – на самом деле не единственная важная форма различия. Уже одни нравственные качества и их влияние на образ жизни индивидуумов и групп определяют собой целый строй различных общественных отношений. Небезразлично ведь, чем определяется благосостояние личностей или групп и судьба потомства данного поколения: прилежанием или леностью, предусмотрительностью или легкомыслием.

Итак, если даже мы вообразим, что изгнана всякая преступность, созданная ненормальными неравенствами, то все-таки именно в области добра останется в силе благотворная дифференциация; и ополчаться на нее было бы высшей степенью предательства по отношению ко всему более благородному. К такому высшему предательству и клонится приманка, сулящая в будущем уничтожение классов; она бросается наиболее дурным элементам масс, чтобы сформировать из них партию преступников и уловить их для службы партиям, находящимся в руках евреев.

4. Чтобы еще более глубоко разъяснить главный пункт, вернемся от карикатурной классовой борьбы снова к общей теории вымышленной борьбы за существование. Какие естественные факты лежат в основе связанных с этой теорией фантазий и фривольных гипотез? Конечно, не такие, которые давали бы право на известные нам подтасовки! Несмотря на примесь всяких раздоров и преступлений, действительное, естественное отношение вещей, если смотреть на него непредвзято, неизмеримо более невинно. Разумеется, мы не будем обращаться к абсолютно нулевому, начальному пункту всякого бытия, или даже к началу ощущения, вместе с которым приобрели свой смысл счастье и несчастье, добро и зло. Нет необходимости в таких крайних экскурсиях в область мышления и знания, чтобы достаточно твердо установить характер природы, который для сознательного человека понятен сам собой.

Природа не есть совокупность пауков, побивающих и пожирающих друг друга. За исключением хищных животных и, несомненно, аналогичным образом возникших хищников-людей, природа является совокупностью существ, которые стремятся бок о бок друг с другом обеспечить себе существование и продолжение рода которых жизнь ведет, отчасти, к взаимным соприкосновениям, к взаимному общению.

В последнем отношении сверхживотное, называющее себя человеком, играет выдающуюся роль. Как бы кто ни думал о добре и зле, во всяком случае, не имеется налицо никакого общего, сознательного стремления людей драться и вредить друг другу. Если где-либо и получается, при столкновениях, вред и обида, то мы имеем там пред собою влияние слепых побуждений, еще не привыкших, под руководством разума и справедливости, взаимно ограничивать свои действия.

В конечном счете важнейшей основной формой столкновений самых разнообразных существ является их общая конкуренция на почве естественных средств к жизни и вообще на почве природы, поскольку она служит им для существования и пропитания. Здесь области, которыми распоряжается особь, более или менее разграничены. В человеческом мире результатом такой конкуренции является частная собственность и, что особенно важно, собственность на землю; раз эти сферы деятельности фиксированы – хорошо или дурно, справедливо или несправедливо, все равно, – получают последствия большого значения. До тех пор еще не имевшая точки опоры конкуренция получает твердую опору, и известное неравенство в просторе для деятельности есть естественнейшее из всех её последствий. Здесь может возникнуть только вопрос о том, не примешалась ли несправедливость к таким формам общения. Не всегда можно вполне кассировать такую несправедливость. Однако всегда остается возможность исключить ее или что-либо ей подобное на будущее время и таким образом предупредить дальнейшее накопление вреда. Так как случившиеся факты не остаются на все времена, то уже это одно открывает некоторый выход и возможность прямого и естественного хозяйственного исправления прежних промахов. Историю нельзя начинать сначала; но несомненно, что ее можно продолжать так, что она, до некоторой степени, будет сама себя исправлять и возмещать вред, причиненный ей же самой.

Итак, если обозреть весь ряд собственно животных низших ступеней, то так называемая борьба за существование, подобно войне, окажется на самом деле не правилом, – хотя бы даже в отдаленном смысле слова, – но только исключением. Среди дико, т. е. свободно живущих, животных хищники представляют собой просто лишь преступное отродье. Наконец, и уничтожение невинных существ человеком только там не является несправедливостью, где эти существа не могут ограничить своей тенденции к размножению и вредят, конкурируя на почве средств пропитания. Такой случай, являющийся в животном царстве правилом, в сфере всеобщей конкуренции, конечно, оправдывает уничтожение, но еще не дает права человеку взять на себя функцию хищного животного, не дает права на режим избиения. Такой режим характеризует лишь деятельность хищного зверя, который в человеческом сверхживотном принял только еще более бесчеловечный вид, чем у подлинного зверя.

Поэтому если собрать вместе все заблуждения, все преступления природы и истории, то все-таки, как правило, возобладает такое отношение, которого нельзя будет охарактеризовать как принципиальную борьбу за существование. Всеобщая конкуренция в области деятельности существ сама по себе не является еще преступным фактом; подлинная негодность имеет место лишь там, где средства конкуренции оказываются дурными и преступными. Даже где только уважают друг друга за одну лишь взаимную силу, даже там еще не получается разбойничьей формы отношений. Наоборот, когда кто-нибудь просто преследует свои интересы, но притом не эгоистично, т. е. без вреда для другого, то уже одно это обстоятельство ведет к побуждениям добровольной справедливости. Кто стремится к ограничению сфер конкуренции справедливым путем, тот находится на верной дороге. Такое стремление, если предположить природную неиспорченность в остальном, для лучшего понимания оказывается необходимостью. Поэтому в сверхживотном добро возможно в совершеннейшей норме, если оно может явиться хотя бы даже поздним плодом созревшего, в смысле опыта и мысли, понимания всего рода. На первое же время довольно знать, по крайней мере, что общая борьба за существование есть лживая подтасовка, которая, к тому же исходит от людей, навязывающих вещам свою собственную гнилую сущность и желающих оправдать и даже прославить свою собственную испорченность, неспособную к лучшим концепциям.

5. В специальной форме борьбы классов мы имеем аналогию общей борьбе за существование постольку, поскольку и здесь лежат в основе естественные факты, которые, однако, ни в коем случае не заходят дальше, по большей части, невинных классовых противоположностей. Но простая противоположность не есть еще борьба в отвратительном смысле этого слова. Про-

тивоположность интересов ведет к такой борьбе только там, где наперед уже примешивается несправедливость внутри самих отношений или где к тому же присоединяется натравливание извне. Вообще, поскольку право получало некоторое признание и поскольку хозяйственные взаимоотношения определяли собой общественные расчленения, общество имело склонность к мирной взаимопомощи и действительно устраивалось по этому масштабу, несмотря на некоторые исключения.

Эти исключительные факты состоят в первобытных традициях господства и рабства. Традиции эти – наиболее дурное наследие истории, но они отнюдь не то, чем орудуют люди, разжигающие классовую борьбу. Нынешние социал-демагоги вместе с евреями или их друзьями, скорее, избегают указывать, как на решительное основание всяких раздоров, на главную причину разлада между сословиями, а именно они не протестуют против искусственно созданного военного класса. Свобода для них и для их целей – слишком высокое понятие. Они оперируют с интересами пропитания и с резонами желудка. Так как они сами не знают ничего, кроме материальных вожделений, то и в обществе видят они только грабителей-предпринимателей и всегда и всюду обделяемых рабочих, или желают, по крайней мере, чтобы такая точка зрения, хотя они сами уже не верят в нее, все-таки оставалась в силе на все времена.

Таким образом, так называемая классовая борьба принимает характер дела, которое называет себя или прикидывается антикапиталистическим.

Но дело на этом не останавливается. Антикапитализм произвольно превращается в нечто, направленное против всякой собственности, в нечто, игнорирующее естественнейшие первоначальные понятия всякого права, – однако не отрицая их и не оспаривая прямо и открыто; выходит так, как будто бы абсолютное бесправие в области владения есть вещь, которая разумеется сама собою. Исходя отсюда, покровительствуются грабительские наклонности, и если уже не теперь, то, по крайней мере, в будущем наступит полная необеспеченность владения. А дальше – лишь один шаг к необеспеченности и самой жизни, как это – преимущественно, но не исключительно – показали события в России. Значит, и в этом направлении материальная классовая борьба в форме травли легко и быстро превращается в классовое убийство.

Там, где имели место простые противоположности и были возможны примиряющие взаимные объяснения, отравленная карикатурная теория и всюду зараженная еврейским духом практика довели социальное положение вещей до крайностей и искусственно создали напряженную атмосферу, которую можно объяснить только травлей. По отношению к такому сбившемуся с пути и разлагающемуся состоянию должно, конечно, громко заявлять о необходимости социального спасения. Но посмотрим сначала, от чего прежде всего нужно охранять и спасать.

Если бы все происходило само собой, без примеси яда травли, то мы имели бы, без сомнения, социальные распри и соперничества классов, но только под верховенством идей права. В действительности же получился принципиальный, и притом преимущественно от евреев исходящий, посев классовой ненависти, в особенности в виде капитал-демагогии. Этот посев классовой ненависти привел к двойной жатве: во-первых, он привел к триумфу натравливания, а затем и к расовой ненависти, которая, раз вред признан, проявляется естественно и справедливо. Это возмездие за возбуждение классовой ненависти возобновлением и возрастанием всемирно-исторической ненависти к еврейской расе – совершенно в порядке вещей. Но расовая борьба, раз она пущена в ход надлежащим образом, может только тогда привести к социальному миру, когда она одолеет главного виновника классовой борьбы.

В противном случае явилось бы ужасающей неизбежностью классовое убийство, и притом в смысле, благоприятном еврейскому господству, которое могло бы хорошо устроиться на социальных развалинах. В России, например, теперь приходится выбирать уже только между двумя формами варварства: между еврейским режимом обирания и парламентских гримас –

режимом, который, в сущности, есть хаос, – и между тем антиварварством, которое было бы только-только достаточно для того, чтобы очистить русский народ от вселившейся в него еврейской инфекции, а русскую почву – от загрязнения её евреями.

Но я откладываю до другого места книги всякое ближайшее исследование подобных неизбежностей, которые, смотря по различию народных характеров, могут принимать различные формы. Варварство еврейского натравливания на классовую борьбу, однако, – столь очевидный факт, что нечего удивляться, если даже в Северной Америке – этом Эльдорадо евреев – дело дойдет, в конце концов, еще раз до того, что придется прибегнуть к помощи противоварварских мер. Но оставим американскую сторону нашей планеты и обратимся прямо к все более созревающему еврейскому плоду, а именно к умножению и возрастанию всех тех причин, которые заражают гангреной народные массы и располагают их к гнилости.

II. Гнилость массы

1. Когда говорят о массе или о массах, то обыкновенно понимают преимущественно низшие, наиболее широкие слои. В настоящее же время при слове масса возникнет, конечно, мысль только о пролетариях, т. е. главным образом о наемных рабочих, будет ли это городское, фабричное, или сельское, земледельческое население. Но мы должны наперед уже указать здесь, что попытки смещения классов, о которых мы напомним в предыдущем отделе, ясно рисуют иную картину массы, более широкую, даже всеобъемлющую. Все, что могли заполучить где-нибудь демагоги, объединено в один массовый тип с целью образования партии. Таковы мещане и низшие служащие и даже такие официальные чиновники, которые партией отдаются в распоряжение массы, раз они соблазнились сделать малейший шаг в этом направлении и, например, согласились оказывать поддержку в тайных выборах там, где массовое избирательное право уже в обычае.

Поэтому едва ли возможно всегда провести здесь резкие границы. Логическая связь изложения сама должна всегда показать, что нужно разуметь под известным выражением масса. И так как у нас темой служит начинающаяся гнилость масс, в первых стадиях которой мы находимся, то не особенно важно, будут ли понимать массу несколько шире или несколько уже. Гнилость сословий, высших и наивысших, – старая тема, давно уже разобранный нами в прежних сочинениях, с нашей критической точки зрения. Но ведь после верхов и обычных господствующих общественных слоев и широкая основа общества, его фундамент, также заслуживает осмотра в смысле гнилости и порчи или, по меньшей мере, в смысле расстройств.

Нельзя уже более отрицать начинающейся порчи широкой основы общества, с тех пор как с присущей ей грубостью и с первобытными, так сказать, задатками испорченности сочеталась еще зараза, исходящая от разложения нравственности и интеллекта высших слоев. Именно социал-демагоги сделали все от них зависящее, чтобы в низших классах поощрить подражание дурным сторонам образа жизни высших классов и заразить их жаждой рафинированных наслаждений. Таким образом, скоро получится одна общая каша довольно однородных экстравагантностей. А чего недостает низшим слоям в средствах и что ограничивает для них интенсивность и утонченность дурной жизни, то они возместят шириной распространения и заменять топорностью.

Итак, нет никакого основания особенно заботиться о различении обоих понятий о массе. Возрастающее смешение классов в сфере дурного есть факт, и даже там, где это ведет к взаимному утоплению в крови и убийстве, оба способа действий, которые здесь можно различить, в сущности, происходят от одного корня. В корне совершенно одинаковая насильственность действий вот что теперь проявляется с обеих сторон, только в различных формах.

Кроме того, здесь видны одни и те же эгоистически-несправедливые притязания, которые друг с другом сшибаются и стараются истребить друг друга, причем ни одна из сторон даже не видит, как они извращены.

2. Согласно с тем, что сказано, основа и верхи общества могут быть соединены вместе, и то, что мы называем гнилостью массы, получает один и тот же смысл, имеются ли в виду обе или только одна из её частей. Но нет ли чего-нибудь между ними такого, что находится в более здоровом состоянии и что не слишком сильно заражено ни той, ни другой стороной? То, что играет в политике роль так называемого среднего сословия, конечно, не может считаться находящимся в таком состоянии. Под этим сословием понимают, большей частью, ремесленников и мелких торговцев, причем под первыми понимают людей, ограниченных цехами, а под вторыми – людей, высматривающих из своего ограниченного круга мелкой конкуренции подачки со стороны государства. С такого рода духовным содержанием, – которому, конечно, не может помочь небольшое количество антисемитизма ложного реакционного сорта, – нельзя начать

ничего путного. Оно дает только мелкую гальку, которая, вместо того чтобы помочь провести границу, сама служит для образования классовой мешанины и общественной путаницы.

Но можно установить иное, более свободное понятие о подлинном среднем слое. Этот слой состоит прежде всего из горожан и крестьян с самостоятельным, но умеренным достатком; однако не только из таких элементов: сюда же входят и те частные служащие и официальные чиновники, коих потребление почти соответствует указанной бюргерской или крестьянской мерке. Главное отграничение, однако, вовсе не количественное, т. е. не такое, чтобы во всякое время и во всяком месте можно было привести суммы и степень простора деятельности, которыми определяется различие. Руководящее понятие здесь, скорее, нравственное, а именно это понятие о простоте и вместе с тем о хозяйственной самостоятельности и солидности образа жизни. Где начинается пролетарий, живущий тем, что идет из рук в рот, там кончается этот лучший средний слой. И всякий чиновник, который не обходится своим жалованьем, плохо хозяйничает или даже только ничего не сберегает, экономически уже не принадлежит к этой лучше поставленной средней категории, если бы даже он в остальном и продолжал лучшие или, по крайней мере, сносные традиции сословия. Конечно, подобная вещь случается редко; иногда, однако, дурное ведение домашнего хозяйства – просто по легкомыслию – может соединяться с хорошими качествами в других отношениях.

Все понятие о действительно лучшем слое, занимающем середину между двумя крайними вырождениями, содержит в себе нечто идеальное, но этому идеальному отвечает некоторая действительность. По нашей системе, дело заключается в том, чтобы указанную действительность расширить, уменьшив крайности или даже, по возможности, сведя на нет их экстравагантный характер. На такую задачу, а также на ближайшие средства и пути её разрешения мы уже указывали в сочинении «Вооружение, капитал, труд». Здесь наш долг – специально показать, насколько решение задачи зависит от создания действительного права, которое, возвышаясь над политикой с её обычным обманом и над полуюстицией с её неудовлетворительностью и двусмысленностью, становится носителем высшей правды и лучшей воли.

О смысле, который соответствует нашему призыву к распролетаризации, мы напоминаем здесь лишь мимоходом. Пролетарии должны перестать быть только массой, т. е. должны отказаться проявлять только свойства массы, подобной стаду. Пусть лучше каждый подумает о том, чтобы подняться до индивидуальной хозяйственной самостоятельности и для этой цели сберечь умеренную сумму денег как своего рода страховой капитал, который дает возможность сберечь личную свободу среди отношений экономической зависимости. Вот наша идея; и мы ставим ее на место перспектив, указывающих на так называемое государство, которое должно обо всем позаботиться. Это туманное представление о всеопекающем государстве есть представление рабское, присущее массам, понимая их в дурном смысле слова; в таком государстве всякая свобода будет уничтожена. Но даже и ценой свободы нельзя было бы еще здесь достигнуть целей желудка; скорее, получились бы в результате хаос в государственной форме и полная неустойчивость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.